

ГИБРИДНАЯ СУДЬБА ПРИВАТНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ЦИФРОВОМ МИРЕ

Е. А. Евстифеева, Г. В. Комаров

Тверской государственной технической университет

Поступила в редакцию 28 ноября 2022 г.

Аннотация: в статье в контексте гибридизации человека, его киборгизации и оцифрованного бытия теоретизируется, обозревается проблема смещения и утраты границ приватности личности человека. Гибридная, двойственная природа человека как сочетание несочетаемого, человеческого и нечеловеческого, естественного и искусственного проблематизируется в контексте неоднозначной антропологической и социокультурной полезности продуктов техно-машинных и биотехнологий. Антропологической судьбой, когда человек предстает как объект-субъект, судьбообразующая и рокозависящая инстанции, видится новый числовой порядок. Цифровизация порождает вторую, гибридную жизнь человека. Она ускоряет размывание границ натуралистического и технического, личного и социального, частного и публичного. Как следствие экспансии информационных технологий цифровой взрыв нашего времени порождает качественно иное состояние человека, его сознания, общественных отношений, социальных институций, так и новый формат проблемы приватности. Появление цифровой реальности в повседневной жизни изменило отношения между частным и публичным, размывало границы частной жизни, подорвало ценность и право на личное пространство и самоопределение, на сокровенную тайну и на интимность. В цифровую эпоху осуществляется тотальный контроль над человеком и его частной сферой. Кроме государства и коммерческих компаний новыми субъектами такого контроля стали цифровые социальные платформы или экосистемы. К рискам воздействия цифровых технологий на личность человека, разрушительным последствиям сохранения границ приватности относятся: превращение персональных данных в аналог интеллектуальной собственности; утечка персональных данных и использование ее в коммерческих целях; нарушение автономии личности при несанкционированном доступе с точки зрения рассмотрения личных страниц пользователя, его профилей в социальных сетях в качестве частных.

Ключевые слова: человек, гибридность, киборг, судьба, цифровизация, приватность, размывание границ приватности в Сети.

Abstract: in the article, in the context of the hybridization of a person, his cyborgization and digitized being, theorizes, surveys the problem of displacement and loss of the boundaries of the privacy of a person's personality. The hybrid, dual nature of man as a combination of the incompatible, human and inhuman, natural and artificial, is problematized in the context of the ambiguous anthropological and socio-cultural usefulness of techno-machine and biotechnology products. Anthropological fate, when a person appears as an object-subject, fate-forming and fate-dependent instances, a new numerical order is seen. Digitalization gives rise to a second, hybrid human life. It accelerates the blur-

ring of the boundaries of the naturalistic and the technical, the personal and the social, the private and the public. As a consequence of the expansion of information technologies, the digital explosion of our time gives rise to a qualitatively different state of a person, his consciousness, social relations, social institutions, and a new format for the problem of privacy. The emergence of digital reality in everyday life has changed the relationship between private and public, blurred the boundaries of private life, undermined the value and right to personal space and self-determination, to intimate secrets and intimacy. In the digital age, total control over a person and his private sphere is exercised. In addition to the state and commercial companies, digital social platforms or ecosystems have become new subjects of such control. The risks of the impact of digital technologies on a person's personality, the devastating consequences of maintaining privacy boundaries include: the transformation of personal data into an analogue of intellectual property; leakage of personal data and its use for commercial purposes; violation of the autonomy of the individual in case of unauthorized access in terms of considering the user's personal pages, his profiles in social networks as private.

Key words: *human, hybridity, cyborg, fate, digitalization, privacy, blurring of the boundaries of privacy on the Web.*

Актуализируем несколько посылов к нашей теме. Мир как число и цифра. Человек как цифра. Приватность как оцифрованное бытие человека. Цифра размывает оставшиеся границы человека, его личная, автономная, приватная, интимная жизнь исчезает. Человек более не исключительное существо. Н. Н. Ростова справедливо выделяет четыре стратегии по сфере исключения человека или конца исключительности человеческого существования: «человек должен быть включен в природу; человек должен быть включен в технику; человек должен быть включен в животный мир; человек должен быть включен в мир объектов» [1, с. 28]. Человек становится чем-то текучим, аморфным, случайным, не сущностным. Он не имеет более границ с природой, техникой, животным миром, миром объектов. Преодоление границ для человека – это его гибридность и киборгизация. Дадим прояснения.

Гибридность (от лат. *Hibrida* – «помесь») – сочетание несочетаемого, человеческого и нечеловеческого, дисгармоничная гармония, асимметричная симметрия и т. д. Актуальность и востребованность изучения феномена гибридности и концептуализации релевантного понятия вызваны расширением его семантического поля, появлением, кроме гибридных существ, словосочетаний «гибридная война», «гибридный мир». Онтологическая неопределенность понятий «гибридный мир» и «гибридная война» остается пока дискуссионным вопросом [2]. Гибриды – это существа, которые концентрируют в себе черты разных живых существ, включая самого человека. Прообраз гибридности человека – полиморфы Сфинкс, Циклоп, Змей из Эдемского Сада, Кентавр. В мифологии человеческое конституирование представлено Эдипом, Одиссеем, Адамом и Евой. Под конституированием нами понимается «давать способ существования». В ретроспективе в рассуждениях о человеке всегда встречается нечто нечеловеческое, когда сборка человека идет за счет

неестественного, сверхъестественного. В мифе к человеку обращаются некие сверхъестественные существа, через которые этот человек может ответить на вопрос «кто он есть?».

В классической антропологии (И. Кант, Г. Гегель) сам человек задает себе вопрос «кто он есть?». И сам себе отвечает. Появляется человек как хозяин. Человек сам себе становится целью. Появляется очищенный от примесей и освобожденный от первородного греха человек. Возникает силуэт универсального человека. Но этот силуэт оказывается, как показывает философская ретроспектива, пустым. В современных рассуждениях о человеке вскрывается двойственная природа человека, как то его «тьень», изнанка и т. д. В человеке всегда есть «Другой», и этот Другой выдвинулся на первое место. О «Некто» в каждом из нас описано Ф. М. Достоевским [3].

Сегодня гибридная природа человека представлена в философской и социологической акторно-сетевой теории, которая рассматривает объекты (артефакты, технические комплексы, животных и др.) как действующие единицы социальных отношений. Этот дискуссионный подход требуют рассматривать не-людей (nonhumans) в качестве действующих агентов в социальных системах и отношениях [4]. Согласно такому «материально-семиотическому» подходу одинаковым образом описываются отношения как материальные (между вещами), так и семиотические (между понятиями). В акторно-сетевой теории не противопоставляются общество и природа, истина и ложь, человеческое и нечеловеческое. АСТ – это междисциплинарное и экспериментальное пространство, где последовательно ставятся следующие вопросы. Можно ли приписать интенциональность сознания человека агенту с не-человеческим статусом? Как семиотическое описание будет действовать за пределами текстов? Имеет ли смысл говорить об одноразовых объяснениях в социальных науках? Работают ли аргументы эмансипации вне установок критической теории? Если агентность распределяется внутри сети отношений, то как мыслима моральная ответственность? Возможен ли парламент вещей и готовы ли к нему человеческие сообщества? [5]. Есть и другие теории, где ставится тема гибридов (Д. Триггер).

Как машино-человек киборг – яркий продукт гибридизации человека, он гибриден тотально. Киборг как продукт киборгизации есть фигура, в которой преодолены границы между природой и культурой, человеком и животным, человеком и техникой. Сделаем ссылку на «Манифест киборгов» Д. Харауэй [6]. Автор примиряет человеческое и нечеловеческое снятие оппозиций: «органического и технологического, углерода и кремния, свободы и структуры, истории и мифа, богатых и бедных, государства и субъекта, разнообразия и истощения, современности и постсовременности» [там же, с. 14].

Приведем пример гибридизации человека с помощью биотехнологий, который неоднозначно может быть истолкован и принят разными сообществами и конкретным индивидом. Совсем недавно была произведена операция по пересадке сердца свиньи человеку. Биотехнологическая

компания Revivacor вырастила свиней с отредактированным геномом, были удалены четыре гена свиньи и добавлены шесть генов человека, чтобы орган был более совместим. Через 60 дней больной внезапно умер. Первая операция по ксенотрансплантации или межвидовой трансплантации последствием имела отторжение органа, или речь идет о том, что иммунная система организма воспринимает донорский орган как чужеродный и уничтожает его. Слово «чужеродный» здесь объясняет многое, в том числе оппозицию «свой – чужой» как акт пограничности. Конечно, желание преодолеть границу может быть гуманитарно оправдано тем, что сегодня в год не хватает 100 000 органов для трансплантации, ежедневно умирает по 17 человек, не дождавшись донорского органа [7]. Но есть и другая точка зрения по акту смешения чужеродного. Что-то противоестественное, нестыкуемое есть в таком продукте, как «свиное» сердце. Потому что сердце несет символическое значение в философии, религии, мистике, поэзии. Сердце передает такие душевные чувства, как «радуется», «мучается», «страдает», «печалится», «содрогается», «устрашается», «скорбит». Бесконечное многообразие значений сердца редуцируется до библейского текста: «больше всего оберегаемого оберегай свое сердце; ибо от него исходит жизнь» (Притч.4:23). По рассуждениям видного русского религиозного философа Б. П. Вышеславцева, сердце символизирует скрытую глубину человека, оно является центром жизни вообще, «пределным таинственным центром личности, где лежит вся ее ценность и вся ее вечность. Найти эту свою вечность – значит найти свое истинное “я”, заглянуть в глубину своего сердца» [8, с. 272–273]. Нет сомнений в том, что сердце – это анатомический объект, которому издревне и поклонялись, и воспевали, и проклинали. Но само явление сердца, считает известный анатом, «...неисчерпаемо. Это обусловлено мета-функциями понятий и явлений этого органа. Сердце, вернее, самость сердца – понятие, выходящее за пределы морфологии органа, имеющее всеохватность, над которой не властны ни жизнь, ни смерть, над ним довлеет время. Поэтому нам так близко всё, что связано с сердцем как с частью нашей плоти, нашими думами, нашей болью. Оно связано с вселенской безграничностью и с безграничным любопытством» [9, с. 355]. Заметим, что тема гибридности – сквозная тема в антропологической проблематике. Сегодня взаимоотношение с Иным (Другим), границы с Иным устанавливаются самим человеком (как субъектом, индивидом, личностью). Если эти границы нарушаются со стороны Иного (извне), то возникают проблемы. В социальной жизни речь идет среди прочих проблем о вторжении в частную жизнь, о нарушении границ приватности. Тотальная цифровизация – главная угроза как для человека, с его возможностью стать пустой, фаустовской цифрой, так и для сохранения или даже для обозначения границ его личностной приватности. В наши дни человек уже включен в новую цифровую реальность, где его частная жизнь, приватность стали галлюцинацией. Сегодня судьба человека, человечества, индивида, личности, общества – новый цифровой (числовой) порядок. Приватность

как феномен антропосоциальной жизни человека в том числе подпадает под эту судьбоносность жить в цифровом порядке.

Вспомним, в широком смысле судьба озвучивает предопределенность жизни человека, указывает на некую силу, тотально влияющую на ход событий, линию поведения. В онтологическом измерении судьба указывает на таинство мира, приравнивается к факту как онтологической данности, который гносеологически анализируется. В содержательном плане судьба мыслится как неизбежность, фатальное, абсолютная детерминация или целезависимость. Судьба выражает темпоральность антропологического бытия. Антропологическая особенность феномена судьбы – в ее амбивалентности. В отношении судьбы человек предстает и как объект, и как субъект, он и судьбообразующая инстанция, и рокозависящая [10].

В гносеологическом измерении судьба как «знание о незнании» разумеется как акт встречи объективного и субъективного, как событие, имеющее своим посылом случайность, предопределенность, неопределенность. В аксиологическом, оценочном плане судьба разумеется или как отрицательное (злое начало), или уважительное начало, или нейтральное (имеющее место), игнорирующее начало. У судьбы различаются имманентные функции, включая властную. Она проявляется в том, что судьба есть совокупность всего сущего, которое влияет на бытие человека, человечества.

Отталкиваясь от вышеобозначенных коннотаций судьбы человека как «субъект-объекта», приложим ее к феномену приватности. При этом под объектностью человека будем понимать его цифровую трансформацию, уже определяющую судьбу приватности личности человека.

Приватность – феномен социально-философского и антропологического уровня анализа. В первую очередь, он обсуждается как дилемма публичного и частного [11–13], как противоречивая ситуация индивидуального и социального, «Я» и «Мы», как пересмотр или отказ от идеи человека и «человеческого» в человеке. Семантическое, содержательное поле приватности постоянно изменяется. Сегодня различаются философские, социологические, социокультурные, этико-правовые, психолингвистические, психологические представления об этом феномене. Под «носителем» приватности может мыслиться человек, субъект, личность. В философском дискурсе приватность концептуализируется, имеет антропологическое, онтологическое, гносеологическое, аксиологическое и праксеологическое измерения. В антропологическом и когнитивном измерении под приватностью понимается способность человека (субъекта, личности) разграничивать внутреннюю/внешнюю составляющую своей жизнедеятельности, различать свое/чужое, частное и публичное бытие, проявлять персональное отношение к несанкционированным действиям со стороны публичной сферы, а также способность к рациональному поведению по защите границ личностного бытия. Приватность – многозначный феномен, связанный с публичным сегментом социального бытия, относится к личной жизни человека и его частному

существованию. Составляющими приватности являются интимная зона, как то телесность, друзья, сексуальные партнеры. Личное пространство включает выбор жизненного пути или автономию личности, персональную идентичность, формируемые неким внешним образом, видом, одеждой и иной атрибутикой.

Приватность как антропологический феномен – это право человека быть самим собой. Приватность – право выражать свою самость, не настраиваясь и не подстраиваясь под мнение других. Так понимаемая приватность в новейшее время рассматривается как одна из важнейших ценностей и потребность. Истоки приватности – в философских концепциях о личности Нового времени. Личность концептуализируется как автономный субъект, обладающий свободой воли, способный быть ответственным за свои поступки. Ответственность мыслится как способность дать ответ на вопросы, исходящие извне, от общества с его социальной нормативностью и условностями. Личность обладает правом на частную жизнь, приватность (личное время, потаенность, наедине с самим собой). Соразмерность приватного и публичного устанавливается самим человеком.

Истоки феномена приватности связаны с актом идентификации человека. Когда он начал отождествлять свою наличную жизнь в ее сокровенных проявлениях с домом. Дом предстал как крепость или передний план приватного. Его наделили институциональным значением, он стал общественным институтом. Частная жизнь, приватность не только концентрировалась в домашнем бытии, но и репродуцировалась домом. Строительство дома, вместе с воспроизводством приватности, генерировало также ценности семьи, образ дома, родины, наличие земли. В русском самосознании дом сакрализуется, маркируется как образный интеграл кардинальных оппозиций бытия («жизнь/смерть», «вечное/временное», «свое/чужое» [14, с. 39].

Ссылаясь на русских философов-почвенников (Ф. М. Достоевский, А. А. Григорьев, Н. Н. Страхов), русский философ Ф. И. Гиренок размышляет об онтологизации дома: «Дом – это существо, то есть что-то живое и одновременно истинное. Как почва. В доме вяжущие связи бытия. Они окружают. И у тебя нет никаких перспектив. А вот посторонний. У него соблазняющие перспективы. И бездомное тело. И поэтому он смотрит на дом со стороны как посторонний. Смотрит на дом, а видит перспективы. Вот это перспективное состояние в сознании постороннего и есть беспочвенность» [15, с. 255–256].

Сегодня приватность самопрезентируется не метафорой «дом» как некоей неподвижностью и фиксированностью, «персональным местом», «территориализацией», а метафорой «текучей среды». Как продемонстрировала пандемия COVID-19, дом «мгновенно» превратился в «место заключения». Ситуация локдауна или массового домашнего ареста всех заключила в дом, ограничив выход из него. Дом превратился в центр принуждения, а не частной жизни. Его функция изменилась и стала функцией контроля и самоконтроля. Дом стал лимитировать передви-

жение, мобильность человека. Ограничение в мобильности предстало как лимит самого социального действия. «Публичность» стала приравнивать выход из дома к ошибке или преступлению. Стала очевидной поляризация публичного и частного, их полюса поменялись. Последствия этого – изменилась поляризация общественных институтов [16].

Тема нашего исследования о судьбе приватности в оцифрованном мире не случайна. Сегодня сама человеческая судьба предстает как новый числовой порядок. Как следствие экспансии информационных технологий, цифровой взрыв нашего времени порождает качественно иное состояние человека, его сознания, общественных отношений и новый формат проблемы приватности. Появление цифровой реальности в повседневной жизни изменило отношения между частным и публичным, размывало границы частной жизни, подорвало ценность и право на личное пространство и самоопределение, на сокровенную тайну, на интимность. В цифровую эпоху осуществляется тотальный контроль над человеком и его частной сферой.

Цифровизация – явление социального порядка, имеющего посылку антропологические проблемы. Под антропологическими проблемами подразумевается отсутствие консенсуса вокруг «человека». Человека как существа, картезианского субъекта *cogito*, разумного существа (И. Кант), субъекта как гражданина, субъекта как носителя прав. Или человека, находящегося частично в постчеловеческом состоянии. Цифровизацию в формате искусственного интеллекта можно мыслить как результат редукции человеческого бытия к «программе», как имитацию человеческой ментальной практики. Такой «цифровой антропоморфизм» говорит о том, что «цифровая революция» со всеми ее эффектами является еще «одним способом самоопределения человека в его собственно человеческом существовании» [17].

Цифровизация порождает «вторую, гибридную жизнь» человека вместе с другими продуктами (роботы, репродуктивные технологии, генномодифицированные продукты и т. д.) высокотехнологического общества. Цифровизация ускоряет размывание границ человеческого и нечеловеческого, естественного и искусственного, натуралистического и технического, частного и публичного. Цифровизация форсирует тотальный контроль за поведением человека. Сегодня субъектами такого контроля выступают, кроме государства и коммерческих компаний, цифровые социальные платформы или экосистемы.

Дав общую характеристику цифровизации в контексте опасностей и рисков для жизнедеятельности человека и общества, с пониманием ее способности осуществлять тотальный контроль над жизнью людей, кратко перечислим ее воздействия и последствия на частную жизнь, на трансформацию приватности. Растущее проникновение цифровых технологий вызывает следующие риски для приватности. Цифровые технологии обострили вопрос о защите информации о частной жизни. Это инициировано тем, что в цифровой среде информация о частной жизни распространяется масштабно и мгновенно. Кроме того, такие технологии

позволяют фиксировать такой объем персональных данных и сведений о личности, который раньше невозможно было представить, а его обработка дает возможность сделать такие выводы о человеке и его жизни, которые он сам не в состоянии сделать. Контролировать распространение и использование информации о себе и, таким образом, защищать свою частную сферу от вторжений становится многосложным процессом принятия решений [18; 19]. Актуализируем другие риски цифровых технологий для границ приватности. Речь идет: 1) о превращении персональных данных в информационный продукт, что инициирует представления о приватности как аналога интеллектуальной собственности; 2) существуют риски утечки персональных данных; 3) информация о человеке может быть использована в коммерческих целях, в дальнейшем заинтересованные лица могут целенаправленно нарушать автономию личности; 4) личности сложнее скрыться от нежелательного внимания со стороны посторонних; 5) защита информации о пользователе от несанкционированного доступа извне и с точки зрения рассмотрения личных страниц пользователя, его профилей в социальных сетях, в качестве частных и т. д. [20; 21].

В итоге цифровизация стала конституирующим и судьбоносным актом человеческой ситуации. Она ускорила гибридизацию и кибертизацию человека. Наступление цифровизации на человека приводит к смещению и размыванию границ его частной жизни, личного пространства, частного бытия.

Литература

1. *Ростова Н. Н.* Проблема человека в современной философии / Н. Н. Ростова. – М. : Проспект, 2020. – 176 с.
2. *Ссорин-Чайков Н.* Гибридный мир : этнография войны / Н. Ссорин-Чайков // Логос. – 2022. – Т. 32, № 3 (148). – С. 33–62.
3. *Достоевский Ф. М.* Двойник : повесть. Господин Прохарчин : рассказ / Ф. М. Достоевский. – СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2021. – 236 с.
4. *Латур Б.* Пересборка социального : введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур ; пер. с англ. И. Полонской ; под ред. С. Гавриленко ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2014. – 384 с.
5. *Писарев А.* Акторно-сетевая теория : незавершенная сборка / А. Писарев, С. Астахов, С. Гавриленко // Логос. – 2017. – Т. 27, № 1 (116). – С. 1–34.
6. *Харауэй Д.* Манифест киборгов : наука, технология и социалистический феминизм 1980-х / Д. Харауэй. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2017. – 128 с.
7. Genetically Modified Porcine-to-Human Cardiac Xenotransplantation / Bartley P. Griffith, M.D., Corbin E. Goerlich, M.D. Ph.D., Avneesh K. Singh, Ph.D. Martint Rothblatt, Ph.D., et al. // The New England Journal of Medicine. – 2022. – July 7.
8. *Вышеславцев Б. П.* Этика преображенного Эроса / Б. П. Вышеславцев ; вступ. ст., сост. и коммент. В. В. Сапова. – М. : Республика, 1994. – 368 с.
9. *Этинген Л. Е.* Мифологическая анатомия / Л. Е. Этинген. – М. : Изд-во Ин-та общегуманит. исследований, 2009. – 528 с.

10. Эшттейн М. Н. Судьба (fate) / М. Н. Эшттейн // Проективный словарь гуманитарных наук. – М. : Нов. лит. обозрение, 2017 – С. 328–329.
11. Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни / Х. Арендт. – М. : Ад Маргинем, 2017.
12. Мельников М. В. Приватное и публичное в историческом процессе : теоретико-социологический анализ / М. В. Мельников. – Новосибирск : НГТУ, 2016.
13. Хабермас Ю. Политические работы / Ю. Хабермас. – М. : Практис, 2005.
14. Исупов К. Г. Встреча / К. Г. Исупов // Космос русского самосознания : словарь. – М. ; СПб. : Центр гуманист. инициатив, 2020. – 400 с.
15. Гиренок Ф. И. Патология русского ума. Картография дословности / Ф. И. Гиренок. – М. : Аграф, 1998. – 416 с.
16. Гиренок Ф. И. Коронавирус : свобода и судьба. Что мы поняли благодаря пандемии? / Ф. И. Гиренок. – М. : Проспект, 2021. – 80 с.
17. Аванесов С. С. Концептуальные координаты «цифровой» антропологии / С. С. Аванесов, Е. И. Спешилова // Логос и праксис. – 2021. – № 16. – С. 14–25.
18. Евстифеева Е. А. Приватность в эпоху вовлеченности / Е. А. Евстифеева, Э. Ю. Майкова, А. Г. Козлов // Власть. – 2016. – Т. 24, № 1. – С. 36–40
19. Емелин В. А. Утрата приватности : идентичность в условиях технологического контроля / В. А. Емелин // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 2. – С. 19–26.
20. Орлов М. О. Приватность в условиях цифровизации : правовые и экономические аспекты / М. О. Орлов, М. А. Шаткин // Социологические исследования. – 2019. – № 4. – С. 15–26.
21. Труфанова Е. О. Приватное и публичное в цифровом пространстве : размывание границ / Е. О. Труфанова // Galactica Media : Journal of Media Studies. – 2021. – № 1. – Р. 14–38.

Тверской государственный технический университет

Евстифеева Е. А., доктор философских наук, профессор, проректор по развитию персонала, заведующий кафедрой психологии и философии

Комаров Г. В., аспирант кафедры психологии и философии

Tver State Technical University

Evistifeeva E. A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Vice-Rector for Personnel Development, Head of the Department of Psychology and Philosophy

Komarov G. V., Post-graduate Student of the Department of Psychology and Philosophy